

ПРОБЛЕМА ИСТИНЫ В УСЛОВИЯХ ПОСТПРАВДЫ: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭПИСТЕМОЛОГИИ

THE PROBLEM OF TRUTH IN THE POST-TRUTH ERA: A PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF THE TRANSFORMATION OF EPISTEMOLOGY

**E. Ivanova
L. Shubin
E. Levchenko
O. Filippova
S. Usov**

Summary: The article examines the problem of truth in the context of the post-truth era, characterized by the blurring of boundaries between knowledge, opinion, and manipulation. It analyzes the philosophical transformation of the concept of truth as epistemology moves from classical and non-classical models toward a post-nonclassical understanding, in which truth is conceived as a dynamic, communicative, and contextual category. Particular attention is given to the impact of digital media and network communication on the formation of new cognitive practices and criteria of credibility. The study demonstrates that post-truth does not abolish truth but transforms its ontological and epistemological foundations, turning it into a form of interaction and interpretation. The conclusion substantiates the need for a philosophical reconstruction of truth based on the principles of hermeneutics, communication, and critical rationality, which opens up new perspectives for the development of contemporary epistemology in the context of information culture.

Keywords: truth, post-truth, epistemology, rationality, communication, simulacrum, media, cognitive transformations, hermeneutics, philosophy of knowledge.

Иванова Евгения Владимировна

Доктор философских наук, профессор, Уральский
федеральный университет имени первого Президента
России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург)
ieviev@mail.ru

Шубин Леонид Борисович

Кандидат медицинских наук, доцент, Ярославский
государственный медицинский университет
LBSH@yandex.ru

Левченко Елена Вадимовна

Кандидат медицинских наук, доцент, Курский
государственный медицинский университет
levchenkoev@kursksmu.net

Филиппова Ольга Владимировна

Преподаватель, Санкт-Петербургский государственный
аграрный университет
olgaphilippova@yandex.ru

Усов Сергей Сергеевич

Старший преподаватель, Российская академия
народного хозяйства и государственной службы при
Президенте РФ (г. Москва)
ussr-usov@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается проблема истины в контексте эпохи постправды, характеризующейся размыванием границ между знанием, мнением и манипуляцией. Анализируется философская трансформация категории истины в переходе от классической и неклассической эпистемологии к постнеклассической, в которой истина понимается как динамическая, коммуникативная и контекстуальная категория. Особое внимание уделено влиянию цифровых медиа и сетевых коммуникаций на формирование новых когнитивных практик и критериев достоверности. Показано, что постправда не устраняет истину, а трансформирует её онтологические и гносеологические основания, превращая истину в форму взаимодействия и интерпретации. В заключении обосновывается необходимость философской реконструкции истины на принципах герменевтики, коммуникации и критической рациональности, что открывает перспективы для обновления современной эпистемологии в условиях информационной культуры.

Ключевые слова: истина, постправда, эпистемология, рациональность, коммуникация, симулякр, медиа, когнитивные трансформации, герменевтика, философия знания.

Современная социокультурная ситуация характеризуется феноменом, получившим название «Эпоха постправды», в которой границы между истиной и ложью, фактами и интерпретациями, знанием и верой оказываются размытыми. Информационное пространство, формируемое цифровыми технологиями, социальными сетями и медиа, создает новые формы символической реальности, где воздействие эмоциональных и манипулятивных стратегий нередко превалирует над

рационально-аргументированным дискурсом. В этих условиях традиционные эпистемологические модели — прежде всего классические представления о критериях истины и методах её постижения — подвергаются глубокому пересмотру.

Актуальность исследования определяется необходимостью философского анализа трансформации категории истины в контексте постправды, когда знание утрачивает

статус универсального и объективного критерия ориентации в мире. Постправда не просто обозначает искажение информации, но фиксирует сдвиг в самой структуре познания и коммуникации, где истинностное измерение уступает место прагматическому и риторическому.

В условиях постправды эпистемология сталкивается с новыми вызовами: кризисом доверия к научному знанию, релятивизацией истины, смещением когнитивного и аффективного компонентов восприятия. Такие процессы требуют философского осмысления как проявления более глубокой антропологической и культурной трансформации, связанной с изменением самого субъекта познания.

Цель настоящего исследования — осуществить философский анализ проблемы истины в условиях постправды, выявить основные направления трансформации современной эпистемологии и определить онтологические и гносеологические основания этих изменений.

Для достижения поставленной цели предполагается решить следующие задачи:

- Рассмотреть генезис и содержание понятия «постправда» в философском и культурологическом контексте.
- Проанализировать трансформацию классических представлений об истине в неклассической и постнеклассической философии.
- Исследовать влияние постправды на эпистемологические критерии достоверности и обоснованности знания.
- Определить перспективы реконструкции категории истины в условиях современной информационной культуры.

Методологическую основу исследования составляют принципы герменевтического, феноменологического и критико-аналитического подходов, позволяющих раскрыть соотношение истины, интерпретации и коммуникации в изменяющемся эпистемологическом ландшафте.

Научная новизна работы заключается в выявлении философских механизмов трансформации понятия истины в эпоху постправды и в попытке концептуализировать эпистемологические основания новой модели познания, формирующейся в условиях цифровой медийной среды.

Проблема истины является одной из центральных тем философского знания, развивающейся от античности до современной постнеклассической мысли. Её понимание исторически варьировалось в зависимости от онтологических и гносеологических предпосылок эпохи. Уже в античной философии истина рассматривалась как соответствие мысли бытию (Платон, Аристотель), что заложило основу классической корреспондентной концепции истины [1]. Средневековая схоластика усилила теологи-

ческий аспект понимания истины как откровения и проявления божественного порядка (Фома Аквинский) [25].

В Новое время, с формированием научного рационализма, истина стала мыслиться как результат субъективно-объективного взаимодействия познающего разума и мира (Декарт, Спиноза, Локк, Кант) [7; 12]. Немецкая классическая философия, особенно в концепции Гегеля, развила идею истины как процесса самораскрытия «Абсолютного духа», что предвосхитило понимание истины как динамической и диалектической категории [4].

В неклассической философии XIX–XX веков происходит пересмотр онтологических и эпистемологических оснований понятия истины. Ф. Ницше в своих работах («О пользе и вреде истории для жизни», «По ту сторону добра и зла») указывал на условность и интерпретативность истины, рассматривая её как метафору, служащую воле к власти [17; 18]. М. Хайдеггер в трактовке истины как *aletheia* («непотаянность») возвращает онтологический смысл категории, связывая её с открытостью бытия [28]. Герменевтическая традиция (Г.-Г. Гадамер, П. Рикёр) рассматривает истину в горизонте понимания, где она всегда контекстуальна и соотносена с исторической ситуацией интерпретации [3; 21].

Особое влияние на современную эпистемологию оказали аналитическая и прагматическая традиции. У. Джеймс и Дж. Дьюи развили прагматическую концепцию истины как «того, что работает» в опыте [9; 11], а Р. Рорти в рамках неопрагматизма предложил отказаться от понятия истины как соответствия реальности, заменив его идеей «солидарности» и дискурсивного согласия [22].

В конце XX – начале XXI века проблема истины актуализировалась в контексте развития постмодернистской мысли (Ж.-Ф. Лиотар, Ж. Бодрийяр, М. Фуко). Их подходы акцентировали кризис метанарративов, множественность интерпретаций и производство «симулякров» реальности, где различие между истиной и фикцией становится неустойчивым [13; 26].

Феномен постправды, вошедший в научный и общественный оборот в начале XXI века, обозначил новое состояние культуры, в котором эмоциональное восприятие и субъективные убеждения оказываются значимее фактических данных. Термин был популяризирован Р. Киесом (R. Keyes) [29] и получил философское осмысление у Л. МакИнтайра (L. McIntyre), который определил постправду как «культурное состояние, в котором объективные факты менее влиятельны в формировании общественного мнения, чем обращения к эмоциям и личным убеждениям» [15].

В отечественной философской традиции проблема постправды и трансформации понятия истины рассма-

тривается в работах В.С. Стёпина, В.Г. Федотовой, М.А. Масловой, Д.И. Дубровского [10; 16; 23; 24], а также в исследованиях, посвящённых влиянию цифровой медийной среды на сознание и когнитивные практики (А.В. Павлов, М.Н. Липовецкий и др.) [15; 20]. Авторы подчеркивают, что постправда — не просто социокультурное явление, но симптом перехода к новой когнитивной парадигме, в которой традиционные представления об истине, рациональности и субъекте познания утрачивают устойчивость.

Таким образом, современное философское исследование проблемы истины в условиях постправды опирается на богатую теоретическую традицию, включающую классические и постклассические концепции, однако требует дальнейшего анализа с учётом специфики цифровой эпохи и новых форм медиа-коммуникации. Именно в этом направлении открываются возможности для реконструкции эпистемологических оснований истины как динамической, интерсубъективной и контекстуальной категории.

Понятие постправды (post-truth) впервые получило широкое распространение в начале XXI века и стало одной из центральных категорий для описания современного состояния общественного сознания. В 2016 году слово post-truth было признано «словом года» Оксфордским словарём, что символически зафиксировало культурный сдвиг, в рамках которого истина утрачивает прежний статус универсального критерия познания и коммуникации. Однако феномен постправды имеет гораздо более глубокие философские корни, восходящие к постмодернистскому сомнению в возможности объективного знания и к критике метанарративов.

С философской точки зрения постправда может рассматриваться как симптом перехода от классической эпистемологической парадигмы, основанной на идеале объективности, к множественной, релятивистской и медиатизированной картине мира. В основе этого перехода лежит трансформация механизмов производства и легитимации знания. Если в классической науке и философии истина мыслилась как результат рационального познания, проверяемого и верифицируемого, то в эпоху постправды критерием «истинности» становится воздействие на массовое сознание и соответствие информации определённым эмоциональным и идеологическим ожиданиям аудитории.

Медиафилософские исследования (Ж. Бодрийяр, Н. Постман, Б. Гроис) показывают, что постправда связана с феноменом симуляции, в рамках которой исчезает различие между реальностью и её представлением [2; 5; 20]. В условиях тотальной медиатизации реальность перестаёт быть «данной», превращаясь в поток знаков, образов и интерпретаций, конкурирующих за внимание

субъекта. Как отмечает Бодрийяр, современный человек живёт не в мире вещей, а в мире их «гиперреальных» изображений [2].

Социокультурный аспект постправды выражается в изменении природы публичного дискурса. Информационные технологии создают среду, где традиционные институты знания — наука, образование, СМИ — теряют монополию на производство истины. В сетевой коммуникации каждый субъект становится не только потребителем, но и производителем информации, что приводит к феномену «распределённой истины». При этом критерии достоверности замещаются показателями популярности, эмоциональной привлекательности или алгоритмической видимости.

Эпистемологический смысл постправды проявляется в подмене когнитивной функции истины её прагматической функцией. Истинность утверждения оказывается не столько вопросом соответствия фактам, сколько вопросом социальной эффективности высказывания, что означает переход от истины как соответствия (*adaequatio rei et intellectus*) к истине как инструменту воздействия — своеобразной «риторической истине». Таким образом, постправда представляет собой не просто кризис познания, а изменение самой структуры эпистемологического опыта, в котором знание утрачивает автономность и становится элементом социального и политического конструирования.

Культурно-антропологическое измерение феномена постправды связано с изменением типа субъективности. Современный субъект познания — это субъект сетевой культуры, формирующий свои представления о мире на основе фрагментарных и часто противоречивых потоков информации. Его когнитивная позиция становится нелинейной, эмоционально окрашенной и контекстуальной. Тем самым постправда выражает не столько разрушение истины, сколько её переход в новую, «плюральную» форму существования, в которой истина становится функцией дискурса и коммуникативных практик.

Таким образом, феномен постправды отражает глубокие изменения в когнитивных и культурных структурах современности. Он демонстрирует, что истина перестаёт быть универсальной категорией и превращается в социально-символическую конструкцию, зависящую от технологий коммуникации, культурных кодов и политических контекстов.

Традиционное философское понимание истины в рамках классической рациональности основывалось на представлении о мире как упорядоченной, познаваемой и объективной реальности. Классическая эпистемология исходила из принципа совпадения истины и бытия, из возможности достижения достоверного знания на

основе разума и логики. Однако уже в XIX–XX веках это представление подверглось критическому пересмотру. Неклассическая философия обозначила переход от истины как абсолютной категории к истине как относительной, контекстуальной и зависящей от познающего субъекта.

Фундаментом этого перехода стал кризис классической рациональности, выразившийся в осознании ограниченности научного метода и невозможности полного совпадения знания с реальностью. Ф. Ницше в своих работах утверждал, что истина есть «множество метафор, ставших привычными», тем самым указывая на её условность и зависимость от человеческих интерпретаций. Для него истина не открывается, а создаётся — как результат воли к власти и стремления упорядочить хаос бытия [17; 18].

Вышеописанная идея получила развитие в феноменологии Э. Гуссерля, где истина трактуется как конституируемая в сознании. Гуссерль показал, что познание не является отражением внешнего мира, а представляет собой акт интенциональности, направленный на смыслообразование [6]. Таким образом, истина приобретает характер корреляции субъекта и объекта, а не их независимого существования.

М. Хайдеггер ещё глубже радикализировал эту линию, предложив онтологическую интерпретацию истины как *aletheia* — раскрытости бытия. В его понимании истина — не результат соответствия суждения действительности, а способ присутствия мира в горизонте человеческого существования [28]. Такое понимание разрушает классическую эпистемологическую дихотомию «субъект–объект» и открывает путь к постнеклассическому осмыслению истины как события бытия.

Постнеклассическая философия XX века усилила тенденцию к релятивизации истины. Постструктурализм (М. Фуко, Ж. Деррида, Ж. Лакан) показал, что истина не является универсальной, а всегда встроена в систему власти, языка и дискурса [8; 26]. Фуко утверждал, что каждая историческая эпоха формирует собственный «режим истины», определяющий, какие формы знания признаются легитимными. Тем самым истина становится функцией социального порядка, а не его отражением [26].

Ж. Деррида, развивая идею деконструкции, показал, что любое высказывание о истине уже содержит след интерпретации, то есть отклонение от прозрачности смысла. Истина, по Дерриде, не присутствует, а всегда откладывается в цепочке различий (*différance*) [8]. Таким образом, она становится процессуальной и никогда не достижимой в окончательном виде.

Неопрагматизм Р. Рорти в свою очередь предложил

отказаться от понятия истины как соответствия реальности, заменив его концептом intersubjectивного согласия. Для Рорти истина — это то, что принимается сообществом в рамках определённого дискурса, и не существует вне человеческой практики [22]. Данное понимание фактически подготавливает почву для современного феномена постправды, где критерии истинности подменяются коммуникативной эффективностью и солидарностью мнений.

В постнеклассической эпистемологии происходит переход от онтологического и когнитивного понимания истины к коммуникативному. Ю. Хабермас, развивая теорию коммуникативного действия, рассматривал истину как идеальный результат рационального диалога, где согласие достигается в условиях отсутствия внешнего давления и симметрии аргументов [27]. Однако в эпоху постправды этот идеал оказывается под угрозой: коммуникация становится стратегической, а не рациональной; язык используется не для постижения истины, а для управления вниманием и формированием установок.

Подводя итоги, можно сказать, что постнеклассическая философия подготовила условия для современного кризиса истины, в котором её статус становится зависимым от коммуникативных и технологических практик. Истина больше не мыслится как универсальная норма, а превращается в множественное и динамическое образование, зависящее от контекста, языка и культурных установок.

Переход к цифровому обществу и формирование глобального информационного пространства радикально изменили условия производства, циркуляции и восприятия знания. В эпоху постправды эпистемология сталкивается с новыми вызовами, которые ставят под сомнение её классические принципы — рациональность, верифицируемость и универсальность. Такие изменения нельзя рассматривать лишь как технологический феномен: они затрагивают фундаментальные основания человеческого мышления, коммуникации и социального взаимодействия.

Современные цифровые медиа становятся не просто каналом передачи информации, но активным посредником, формирующим когнитивную реальность. Алгоритмы социальных сетей и поисковых систем создают индивидуализированные информационные потоки, которые не отражают объективную реальность, а конструируют её в зависимости от предпочтений пользователя. Истина в эпоху постправды приобретает медиатизированный характер — она существует не как соответствие действительности, а как продукт алгоритмической фильтрации и сетевой репрезентации.

Ж. Бодрийяр описывал подобную ситуацию как го-

сподство симулякров, когда знаки и образы теряют связь с реальностью и начинают заменять её [2]. В этой логике истина становится не столько познавательной, сколько эстетико-перформативной категорией — важным оказывается не то, что истинно, а то, как представлено и воспринято. В результате знание утрачивает онтологическую устойчивость и превращается в поток временных и контекстуальных смыслов.

В традиционной эпистемологии критериями истины выступали соответствие, когерентность и прагматическая эффективность. Однако в постправдовой культуре эти критерии замещаются показателями вовлечённости, эмоциональной резонансности и репрезентативности в медиaprостранстве.

Социальные сети формируют новую форму «аффективного знания», где информация оценивается не по степени обоснованности, а по степени вызываемого эмоционального отклика, что приводит к тому, что знание становится инструментом идентичности, а истина — функцией коллективных эмоций. Как отмечает Л. МакИнтайр, постправда — это не просто ложь, а «отказ от самой идеи объективных стандартов знания» [15].

Такая ситуация порождает парадокс: чем больше человечество располагает доступом к информации, тем труднее становится установить, что истинно. В условиях цифровой избыточности знание перестаёт выполнять свою ориентирующую функцию и превращается в символический капитал, используемый для утверждения власти, убеждения или самопрезентации.

Феномен постправды сопровождается изменением когнитивной позиции субъекта. Если классическая философия исходила из автономного, рационального субъекта познания, то современная эпоха формирует распределённого, сетевого субъекта, чьё знание складывается из множества фрагментов, получаемых из различных цифровых источников.

Такой субъект не является независимым наблюдателем мира — он включён в медиатизированные процессы производства смыслов. Его когнитивная деятельность становится гибридной, сочетающей рациональные, эмоциональные и визуальные формы восприятия. Постправда тем самым выражает не разрушение рациональности, а её мутацию: переход от логического рассуждения к сетевой, образной и эмоциональной логике восприятия.

Эпистемология постправды характеризуется переходом от линейного к гипертекстуальному типу знания. Цифровые технологии создают новые формы когнитивной навигации, где истина перестаёт быть конечным результатом познания и превращается в процесс пост-

янного пересмотра и интерпретации. В таких условиях знание становится интерсубъективным — результатом взаимодействия множества субъектов, коллективных когнитивных практик и сетевых сообществ.

Таким образом, можно говорить о формировании новой эпистемологической парадигмы, в которой истина мыслится не как устойчивое свойство высказывания, а как динамическая характеристика коммуникации. Эпистемология эпохи постправды оказывается не столько наукой о знании, сколько философией медиатизированного познания, стремящейся понять, каким образом истина выживает в условиях множественности, симуляции и эмоциональной турбулентности.

Анализ феномена постправды в контексте философской эпистемологии показывает, что современная культура переживает не столько «конец истины», сколько глубокую трансформацию её онтологических и гносеологических оснований. Истина перестаёт быть универсальной и абсолютной категорией, утрачивает статус внеисторического критерия познания и всё более приобретает характер коммуникативного, дискурсивного и контекстуального феномена.

Постправда выявляет пределы классической рациональности и демонстрирует, что знание всегда опосредовано культурой, языком и технологией. В условиях медиатизированного общества истина становится функцией сетевого взаимодействия и коллективного конструирования реальности. Однако это не означает исчезновение самой идеи истины, а указывает на необходимость её философской реконструкции.

Реконструкция истины в постправдовой культуре требует выхода за рамки дихотомии «объективное — субъективное». Современная эпистемология должна учитывать множественность когнитивных режимов, в которых истина проявляется как процесс коммуникации, согласования и взаимопонимания. В этом контексте особое значение приобретает коммуникативная и герменевтическая модель истины, в которой смысл формируется во взаимодействии субъектов, а не навязывается извне.

Философская задача сегодня состоит не в возвращении к классическим идеалам верифицируемой истины, а в выработке новых критериев достоверности, адекватных условиям цифровой и сетевой культуры. Такие критерии могут основываться на прозрачности коммуникации, критичности мышления и способности к рефлексии, а не на простом воспроизводстве фактов.

В общем и целом, эпоха постправды ставит перед философией вызов: сохранить ценность истины, не отрицая её исторической и коммуникативной природы. Истина в XXI веке может быть понята не как статическая

данность, а как процесс непрерывного самокорректирующегося диалога между знанием, культурой и обществом. В этом диалоге проявляется не столько кризис,

сколько возможность нового этапа в развитии эпистемологии — этапа, на котором истина становится пространством встречи, понимания и ответственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Метафизика / Пер. с древнегреч. — М.: Мысль, 1975. — 512 с.
2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / Пер. с фр. — М.: Добросвет, 2013. — 240 с.
3. Гадамер Г.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики / Пер. с нем. — М.: Прогресс, 1988. — 704 с.
4. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа / Пер. с нем. — СПб.: Наука, 2000. — 495 с.
5. Гроис Б. Медиа и власть / Пер. с нем. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2012. — 224 с.
6. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии / Пер. с нем. — М.: Академический проект, 2009. — 560 с.
7. Декарт Р. Рассуждение о методе / Пер. с фр. — М.: Наука, 1994. — 220 с.
8. Деррида Ж. О грамматологии / Пер. с фр. — М.: Ad Marginem, 2000. — 512 с.
9. Джеймс У. Прагматизм / Пер. с англ. — М.: Республика, 1993. — 256 с.
10. Дубровский Д.И. Сознание, информация, реальность. — М.: Канон+, 2013. — 368 с.
11. Дьюи Дж. Как мы мыслим / Пер. с англ. — М.: Педагогика, 1997. — 320 с.
12. Кант И. Критика чистого разума / Пер. с нем. — М.: Наука, 1998. — 735 с.
13. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Пер. с фр. — М.: ИНИОН РАН, 1998. — 160 с.
14. Липовецкий М.Н. Постмодернизм в русской культуре. — Екатеринбург: У-Фактория, 2000. — 384 с.
15. МакИнтайр Л. Post-Truth. — Cambridge, MA: MIT Press, 2018. — 240 p.
16. Маслова М.А. Философия постправды и кризис современной рациональности // Вопросы философии. — 2020. — № 9. — С. 34–45.
17. Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни / Пер. с нем. — М.: АСТ, 2007. — 254 с.
18. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла / Пер. с нем. — М.: Республика, 1997. — 320 с.
19. Павлов А. В. Постправда и политизация истины в цифровую эпоху // Логос. — 2021. — Т. 31, № 4. — С. 67–84.
20. Постман Н. Развлекаясь до смерти: общественный дискурс в эпоху шоу-бизнеса / Пер. с англ. — М.: Эксмо, 2019. — 352 с.
21. Рикёр П. Конфликт интерпретаций: очерки о герменевтике / Пер. с фр. — М.: Академический проект, 2008. — 624 с.
22. Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность / Пер. с англ. — М.: Русское феноменологическое общество, 1996. — 304 с.
23. Стёпин В. С. Теоретическое знание. — М.: Прогресс-Традиция, 2003. — 744 с.
24. Федотова В.Г. Рациональность и культура. — М.: Прогресс-Традиция, 2008. — 480 с.
25. Фома Аквинский. Сумма теологии / Пер. с лат. — М.: Изд-во Францисканцев, 2006. — 640 с.
26. Фуко М. Археология знания / Пер. с фр. — М.: Академический проект, 2004. — 416 с.
27. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Пер. с нем. — СПб.: Наука, 2000. — 320 с.
28. Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. — М.: Ad Marginem, 1997. — 505 с.
29. Keyes R. The Post-Truth Era: Dishonesty and Deception in Contemporary Life. — New York: St. Martin's Press, 2004. — 240 p.

© Иванова Евгения Владимировна (ieviev@mail.ru), Шубин Леонид Борисович (LBSH@yandex.ru),
Левченко Елена Вадимовна (levchenkoev@kursksmu.net), Филиппова Ольга Владимировна (olgaphilippova@yandex.ru),
Усов Сергей Сергеевич (ussr-usov@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»